

Сказка про маму

В одном самом обычном городе, на самом обычном этаже жила самая необыкновенная мама. А звали её так же просто — **Мама**. У неё были удивительные глаза. Когда дети — Варя и маленький Тимоша — смотрели в них, им казалось, что там, глубоко-глубоко, мерцает тёплый янтарный свет. В этом свете таяли все обиды дня, а страхи превращались в смешную пыль.

Каждый вечер Мама-Фея совершала свое Главное Волшебство.

Она приходила с работы, снимала строгий пиджак, и шла на кухню. Вжик-вжик — ножом по доске, и вот уже на сковороде пляшет веселое солнце в виде омлета. Плюх-плюх — ложкой по тарелкам, и каша становится сладким облаком.

Никто не видел, как она это делает, но стоило ей поцеловать Варю в макушку, как царапина на коленке переставала болеть. А когда она шептала Тимоше: «Спи, мой зайчик, даже трамвайчик устал», — за окном вдруг стихал шум машин и начинал тихонько звенеть лунный свет.

— Ты — фея? — спрашивал Тимоша, засыпая.

— Самая настоящая, — улыбалась мама, и её глаза светились особенно ярко. — Только никому не говори. Это наш секрет.

Но однажды волшебство нарушилось.

Папа пришел с работы раньше, но Мамы дома не было. Не пахло омлетом, не горел свет в коридоре, и тапочки Мамы сиротливо стояли у двери.

— Странно, — сказал Папа, и Варя заметила, как у него дернулась бровь. Так бывает, когда Папа волнуется, но не хочет этого показывать.

Они прождали час, другой. За окном сгустилась темнота — густая, как черничный кисель. Тимоша заплакал.

— Фея потерялась в темноте, — прошептал он.

И тогда Папа принял решение.

— Феи не теряются, — твердо сказал он. — Фей иногда нужно просто снова **найти**. Одеваемся, берем фонарики. Мы будем искать нашу маму.

Они шли через ночной город, потом через рощу, а потом вошли в Лес. Не в обычный лес с белочками, а в тот самый Лес, где тропинки путаются под ногами, а ветки деревьев похожи на корявые руки. Папа держал Тимошу за руку, Варя держала Папу, и их маленький отряд фонариков пробивал тьму, как стайка светлячков.

— Мама! — звали они. — Ау!

И вдруг Варя увидела слабый, едва заметный свет. Это был тот самый **янтарный свет**, который жил в маминых глазах. Он пробивался сквозь густые заросли ельника.

Они бросились на свет и замерли.

На поляне, привязанная толстыми веревками к старой сосне, сидела Мама. Её руки были связаны, но она не плакала. Она смотрела куда-то в сторону, и от её глаз по коре дерева бежали теплые, живые искорки.

Рядом с ней, сжавшись в комочек, сидел мальчик. У него были злые, но в то же время невероятно грустные глаза. Он был лохматый, в рваной куртке и держал в руках конец веревки.

— Уходите! — крикнул он хриплым голосом. — Это моя мама! Я её поймал! Теперь она будет смотреть только на меня!

Папа хотел шагнуть вперед, но Мама покачала головой: «Не надо, милый. Он просто один».

Варя вдруг поняла страшную правду. У этого мальчика не было фонарика. У него не было того, кто искал бы его в темном лесу. У него не было того света в глазах, который греет перед сном. Он хотел **присвоить их маму силой**, потому что не знал, что маму **получают в подарок от судьбы**.

— Послушай, — тихо сказала Варя, делая шаг к мальчику. — Если ты дернешь веревку еще сильнее, мама-фея погаснет. Её глаза светятся только тогда, когда её любят, а не держат в плену.

Мальчик вздрогнул. Он посмотрел на веревку, на свои грязные руки, а потом в глаза Маме.

В этих глазах он не увидел ни страха, ни злости. Только жалость. Тот самый теплый свет, который греет.

— Развяжи меня, — попросила Мама, и голос её был мягче мха под ногами. — Давай попробуем зажечь огонек у тебя в груди по-другому.

Мальчик заплакал. Он плакал громко, навзрыд, как плачут не капризные, а очень уставшие и одинокие дети. Он развязал веревки своими дрожащими пальцами.

В ту же секунду темный лес словно вздохнул. С веток сорвались светлячки, которых раньше не было видно. Тысячи маленьких звездочек закружились вокруг поляны.

Мама обняла сначала Варю, потом Тимошу, потом Папу. А потом она опустилась на корточки и заглянула в лицо лохматому мальчику.

— У тебя красивые глаза, — сказала она. — Просто в них скопилось слишком много горя. Пойдем домой с нами, у нас сегодня волшебный ужин. И есть лишняя подушка.

— Я не умею быть хорошим сыном, — прошептал мальчик.

— А я умею быть мамой для всех, кто приходит в мой дом, — ответила она. — Это и есть главное чудо. Оно не кончается, если им делиться. Его становится только больше.

Они вернулись в город, когда над крышами уже занимался розовый рассвет. Папа нес на руках спящего Тимошу. Варя держала за руку бывшего злого мальчика, который теперь зевал и тер кулаком нос.

А Мама шла впереди, и на её одежде испарялись последние капли лесной росы.

Вечером следующего дня за столом сидели уже **трое** детей. Лохматый мальчик, которого теперь звали просто Саша, смотрел в тарелку с омлетом и боялся, что волшебство исчезнет, когда еда закончится. Поэтому он ел медленно.

Но Мама-фея подмигнула ему:

— Оно не в омлете, Саша. Оно вот здесь. — Она дотронулась пальцем до его лба, потом до его груди. — Теперь у тебя внутри горит наше тепло. И ты сам можешь согревать других этим теплом.

И когда Варя и Тимоша легли спать, они услышали, как мама поет колыбельную на три голоса. Один был для Тимоши, другой для Вари, а третий — самый тихий и новый — для мальчика Саши, который впервые в жизни засыпал, зная, что завтра, когда он проснется, эта **мама никуда не исчезнет**.

Настоящих мам-фей не вяжут веревками. Они приходят сами и остаются навсегда.

<https://megaskaz.ru/>